

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ В МАГНИТОГОРСКЕ (1930–1980-е гг.)

Н.Н. Макарова

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И.Носова,
Магнитогорск,
makarovanadia@mail.ru*

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы религиозной жизни в городе Магнитогорске, строившемся как «новый город», свободный от пороков капиталистического общества, в том числе от религии. На протяжении 1930–1980-х гг. отношение к верующим в городе менялось. Первый этап (1930–1940-е гг.) характеризовался как наиболее сложное время для верующих всех конфессий, когда ключевой задачей было выживание во враждебной атеистической обстановке и сложнейших социально-бытовых условиях. Второй этап (1947–1959 гг.) – сравнительно «спокойное» время развития и укрепления религиозных обычаев в семьях. Третий этап (1959–1985 гг.) – существование в условиях давления со стороны атеистической пропаганды и общественного порицания. Периодизация в целом совпадает с основными изменениями в государственной религиозной политике, что позволяет предположить влияние политических и социальных предпосылок на религиозное мировоззрение, формирование культовых практик и обыденного уклада жизни верующих. Социальные потрясения и пропаганда заставляли в некоторой степени изменять убеждения, приспособляя их к действительности. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на антирелигиозные мероприятия со стороны властей и декларирование идеи «Магнитогорск – город без церквей», население продолжало совершать религиозные действия, а спектр конфессий на территории города был достаточно широким. При этом религиозность населения и города определялась по чисто внешним признакам: наличие церквей и часовен, совершение религиозных обрядов, внешней атрибутики. Подобный подход обеспечивал сравнительно спокойное существование верующих в городе, которые сохраняли внутреннюю религиозность или исповедовали внецерковные исповедания.

Ключевые слова: историческая антропология, история повседневной жизни, религия, Магнитогорск

Введение

Возникновение исторической антропологии как научного направления связывают с именами историков Марка Блока, Жака Ле Гоффа, Филиппа Арьеса, Натали Земон Дэвис¹, а дальнейшее развитие с А. Барнардом, Ф. Бартхом, А. Гингричем, Р. Паркином, С. Силверманом². В российской науке существенный вклад в

Макарова Надежда Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры Всеобщей истории МГТУ им. Г.И.Носова.

¹ Блок 1986; Арьес 1992; Ле Гофф 2000; Земон Дэвис 1999.

² Barth, Gingrich, Parkin, Silverman 2005

развитие исторической антропологии внес А.Я. Гуревич³. В настоящее время существует два основных подхода к пониманию исторической антропологии. Первый связан с традициями школы «Анналов». Его представители видели в исторической антропологии «новую историческую науку», а предмет определяли, как совокупность существующих в длительной временной протяженности структур повседневности. Вторым подход объединяет представителей микроисторического исследования прошлого (П. Берк, К. Гинзбург, Дж. Леви, Н.З. Дэвис, Х. Медик)⁴, которые считают историческую антропологию направлением социальной истории, а в качестве инструмента исследования рекомендуют «социальный микроскоп». В целом при широком разнообразии исследовательского поля можно отметить несколько областей изучения, в которых историческая антропология оказалась наиболее эффективной: материальная и биологическая антропология; экономическая антропология; социальная антропология; культурная антропология.

В России интерес к исторической антропологии усилился в 1990-е гг. после открытия Российско-французского центра антропологии имени Марка Блока и создания информационно-аналитического центра по теоретическим проблемам исторической науки при историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Среди выполненных исследований в контексте исторической антропологии наибольшее внимание историков было сосредоточено на изучении субъективной стороны веры, народной религиозности⁵. Историки обращались к изучению государственной политики в сфере религии, а в 2012 г. к исследованию религии была применена «новая оптика». Участники конференции «Религиозные практики в СССР: выживание и сопротивление в условиях насильственной секуляризации» обратили внимание на *lived religion* (живая религия), религию в том виде, в каком она проживалась в действительности⁶.

Перспективным направлением исследований в области религиозных практик является обращение к региональному аспекту существования религиозных групп. Поэтому автор данной статьи обращается к исследованию локального городского пространства.

Строительство Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска началось в рамках индустриализации в 1929 г. в степях Южного Урала. Уже в 1932 г. на градообразующем предприятии был создан завершённый производственный цикл по производству металла. Н. Милютин, давая характеристику Магнитогорску, отмечал, что это «первый в СССР чисто советский город, где мы не связаны с прошлым, где мы всему миру демонстрируем волю пролетариата к новой общественной жизни»⁷. Процесс строительства Магнитогорска проходил под лозунгом коренной ломки старого быта. При этом в новом городе не было необходимости перестраивать существующие порядки и «ломать» традиции, казалось, их можно было создавать.

³ Гуревич 2003; 2005.

⁴ Леви 1996; Земон Дэвис 2006; Гинзбург 1996.

⁵ Алексеев 1996; Смилянская 2006; 2003.

⁶ Международная научная конференция «Религиозные практики в СССР: выживание и сопротивление в условиях насильственной секуляризации» 2012.

⁷ Милютин 1930.

В целом в развитии религии на территории города можно выделить несколько этапов. Первый период охватывает 1929–1947 гг. – этап относительной пассивности в деятельности религиозных групп и организаций, начало внутренней изоляции протестантов в советском обществе, рост упаднических настроений, инертность в миссионерской деятельности. Первоочередная задача религиозных групп города была связана с выживанием во враждебных условиях. Второй этап (1947–1959 гг.) сравнительно «спокойное» время развития и укрепления религиозных обычаев в семьях и налаживания жизни в обстановке атеистического окружения, начало строительства церквей в городе. Третий этап (1959–1985 гг.) характеризовался существованием верующих в условиях давления со стороны атеистической пропаганды и более интенсивного общественного порицания.

Наше исследование опирается на комплекс архивных материалов, выявленных и отобранных в центральных, областных и городских архивах, а также на коллекцию интервью и фотографий, собранных автором в течение 2007–2016 гг. В соответствии с видовой классификацией нами были выделены следующие виды источников: законодательные акты, делопроизводственная документация, периодическая печать и источники личного происхождения, среди которых воспоминания, письма и интервью.

К законодательным актам, положенным в основу исследования, относятся, прежде всего, нормативные акты советского государства. Эта группа источников позволяет выявить ключевые направления регулирования государством религиозных вопросов. Делопроизводственные материалы представлены как архивными, так и опубликованными материалами. Организационная и распорядительная документация, текущая переписка учреждений и предприятий, протоколы собраний, учетная, отчетная и контрольная документация, докладные записки, справки и переписка о состоянии антирелигиозной работы в школах, клубах и иных учреждениях города позволяют судить о реализации на местном уровне общегосударственной политики по вопросам религии. Очень информативным и перспективным источником изучения проблем повседневности является периодическая печать. Из газет и журналов можно почерпнуть значительный пласт информации о городской повседневности, в том числе и об отношении к верующим и религии в целом.

Крайне важным и интересным источником являются воспоминания магнитогорцев, как неопубликованные, из коллекции автора и фондов архивов и музеев, так и опубликованные мемуары. Последние представлены двумя группами источников: мемуары горожан и мемуары лиц, в разное время посетивших Магнитогорск. Особо следует отметить мемуары американца Джона Скотта «За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали»⁸. Особая ценность этой книги состоит в том, что Дж. Скотт повествует не только о триумфах строительства, но указывает на крайне тяжелую жизнь рабочих, спецпереселенцев, заключенных, иностранцев и привилегии номенклатурных работников. Показывая объективную картину жизни города, автор указывает на значительное число сосланных в Магнитогорск священнослужителей, и крайне негативное отношение к верующим вообще. Воспоминания первостроителей, стахановцев и ударников, неопубли-

⁸ Скотт 1991.

кованные рукописи писателей, а также воспоминания очевидцев строительства металлургического завода и города, собранные писателем Э.Г. Казакевичем, побывавшем в Магнитогорске в конце 1950-х гг. и зафиксировавшем воспоминания и переживания горожан, отражают различные религиозные практики, которые бытовали среди населения города, а также указывают на способы борьбы с религией в Магнитогорске. Проведенные интервью с горожанами продемонстрировали, что, несмотря на запреты со стороны властей и разнообразные ограничения, семьи респондентов продолжали соблюдать некоторые религиозные обряды.

В данной статье делается попытка определения характерных черт повседневной жизни и реализации религиозных практик населением Магнитогорска на разных этапах осуществления государством политики в области религии.

В 1930–1980 гг. на территории Магнитогорска находились представители двух основных конфессий: христианской и мусульманской. При этом среди христиан были православные, католики и протестанты. Самыми крупными из числа протестантских движений были баптисты (в т.ч. евангельские христиане), адвентисты и пятидесятники (в т.ч. христиане веры евангельской). Подобный пестрый конфессиональный состав населения Магнитогорска был обусловлен историей строительства города и завода и привлечением контингента строителей из разных регионов Советского Союза и даже из-за границы⁹. Значительное число верующих было среди спецпереселенцев¹⁰. Так, американский рабочий Дж. Скотт писал: «Однажды, возвращаясь домой с работы, я стал свидетелем любопытной сценки – передо мной была бригада, состоявшая из сорока или пятидесяти священников православной церкви, одетых в грязные, изодранные черные рясы. У всех были длинные волосы, у некоторых даже до пояса. Они упорно работали заступами и лопатами, срывая небольшой холмик»¹¹. Воспоминания американца подтверждают данные архивов. В Магнитогорске были священнослужители, которые тайно проводили религиозные обряды. Так, отец Димитрий (Д.И. Герасенко) со своей семьей жил в Магнитогорске, не регистрируясь официально, освоил мирские профессии, но тайно, по просьбам местных жителей, проводил обряды крещения, венчания и отпевания¹². В магнитогорской исправительно-трудовой колонии отбывали заключение священнослужители различных конфессий. В частности, в городе отбывал ссылку с 1930 по 1937 гг. имам-хатыб из с. Большая Цильна Буденовского района Лутфулла Туктамышев. В 1937 г. его приговорили к 6 месяцам исправительно-трудовых работ, а затем арестовали¹³. В 1930-е гг. религию связывали с женами и матерями спецкадров Магнитостроя, однако, на наш взгляд, сохранение религиозности в повседневной жизни магнитогорцев зависело не только от социальной или половой принадлежности. Существенное влияние оказывали общая духовная культура человека, традиции, существовавшие в конкретной семье, уровень грамотности, социальное происхождение. Потомственные рабочие легче отказывались от религиозных обычаев, чем недавние крестьяне. Большинство выходцев из деревни в первые месяцы пребывания на Магнитострое продол-

⁹ Макарова 2012.

¹⁰ Воспоминания Л.Г. Чернопятовой, 1937 г. р., записано Н.Н. Макаровой в 2008 г.

¹¹ Скотт 1991, 105.

¹² Старикова 2012, 55.

¹³ Миннулин 2006, 131.

жали носить нательные кресты: «Иногда можно было увидеть, как крестьянин, только что приехавший из деревни, осеняет себя по старой привычке крестом; в бане время от времени можно было встретить пожилого мужчину с крестиком, висевшим у него на шее на шнурке»¹⁴. Таким образом, социальный и половозрастной состав населения Магнитогорска мог как способствовать искоренению религиозности в городе, так и противодействовать ему (значительное количество молодежи, оторванной от привычного образа жизни и социального окружения).

В районе города Магнитогорска не было значимых с точки зрения культурной ценности церквей, но вокруг города на расстоянии 26–30 км были деревни с небольшими церквями. Отсутствие церквей в городе рассматривалось властями, как возможность формирования атеистической повседневности среди горожан. В станице Магнитной¹⁵, основанной в 1743 г., преобладало православное население, было несколько семей мусульман, а также семьи староверов¹⁶. В январе 1930 г. церковь станицы и часовня были закрыты, а вскоре, в связи с вводом в эксплуатацию второй плотины, затоплены. Верующие начали посещать церковь в поселке Наваринский, который располагался в 26 км от города. В воспоминаниях организатора культурно-массовой работы в Магнитогорске Колбина отмечается, что некоторые горожане венчались и крестили детей¹⁷. Естественно, что подобные религиозные действия не получили в Магнитогорске массового распространения. Если обряды крещения и венчания удалось искоренить в большей степени, то похороны, по свидетельствам очевидцев, проводились строго в соответствии с церковными традициями¹⁸.

Воспоминания старожилов города и иные источники личного происхождения указывают на то, что в Магнитогорске произошло переплетение традиционной обрядности с новыми советскими нормами. По тексту воспоминаний Н.Г. Кондратовской не сложно заметить, что наряду с обрядовыми действиями необходимо было строго соблюсти все нормы советского законодательства: «Я уже опомнилась, беру мамин паспорт, надо идти за доктором на Ежовку¹⁹, брать справку, потом сдавать паспорт в НКВД, потом в ЗАГС, это рядом. И заказать гроб, место на кладбище, платить за могилу... День был занят хлопотами... Мария Алексеевна готовила обед... Приехали на кладбище уже в потемках, там освещения никакого не было. С фонариком нашли могилу. Мужчины сняли гроб, крышку, поехали за лопатами, ломиками, начали делать надпись. На кладбище ни души – в такую пору никто не хоронит»²⁰.

В целом религиозные практики в Магнитогорске отражали наиболее устойчивые представления населения о религиозной жизни. Учитывая, что церквей в городе не было, верующие магнитогорцы посещали близлежащие церкви в селах или устраивали «молельные дома» в землянках, а затем в своих квартирах. Так, баптисты Г. Шевчук, Сапиок, Салепко, Вогинков регулярно проводили в своих

¹⁴ Скотт 1991, 238.

¹⁵ Поселок Магнитный находился в непосредственной близости от строящегося города. В настоящее время город занимает территорию поселка. Церковь был затоплена в 1931 г.

¹⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5262. Л. 45-52.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 309. Л. 44-45.

¹⁸ Воспоминания Л.Г. Чернопятовой, 1937 г. р., записано Н.Н. Макаровой в 2008 г.

¹⁹ Ежовка – название поселка на территории Магнитогорска.

²⁰ Кондратовская 2012, 121–124.

жилищах молитвенные собрания. В бараках проводить религиозные мероприятия было сложнее – слишком много было посторонних глаз. При этом говорить, что землянка было устроена особым образом, нельзя – фактических возможностей у населения для создания религиозного пространства не было. Чаще все горожане ограничивались укреплением икон в так называемом красном углу. Мусульманское население города, по свидетельствам культработника Колбина и по воспоминаниям старожилов Магнитогорска, не нуждалось в церквях, «они молились прямо на улице, на земле»²¹. В Магнитогорске в среде мусульман были избраны муллы, которые совершали необходимые обряды. Чтение священных книг (Библия, Коран и т.п.) было малодоступной религиозной практикой. Это было обусловлено отсутствием возможностей читать религиозную литературу (соседи, отсутствие освещения, нехватка свободного времени и т.п.) и дефицитом подобных книг. Соблюдение постов как одной из важнейших религиозных практик в условиях латентного голода также было крайне затруднительно. Однако по большим праздникам, таким, как Пасха или Ураза Байрам, горожане готовили традиционную пищу²². Даже обряд захоронения было невозможно соблюдать в первые годы строительства, т.к. вплоть до 1932 г. в Магнитогорске не было кладбища. Захоронения производили в общих могилах, не устанавливая ни памятников, ни тем более крестов.

В рассматриваемый период в Магнитогорске активно велась борьба с религиозным сознанием населения²³. Духовное и культурное влияние религии на широкие массы не согласовывалось с планами властей, поэтому одну из важнейших задач большевики видели в изменении старой системы ценностей, сконцентрированной в значительной мере в религиозном вероучении. Наибольшую разрушающую силу в борьбе с религиозным сознанием населения имело советское образование, которое строилось на основе марксистской идеологии. Ее постулаты наиболее активно усваивались молодежью, преобладающей в городе. ГорОНО требовал от коллективов школ города «усилить антирелигиозное воспитание детей и их родителей»²⁴, «учебный программный антирелигиозный материал использовать шире и регулярнее»²⁵. Отмечалось, что антирелигиозная пропаганда и научно-просветительская работа ведутся не столь активно, как того требуют «потребности масс»²⁶. В частности, по Уралу в 1932 г. из 736 низовых профсоюзных организаций антирелигиозные кружки имелись только в 34, т. е. в 4,5 %²⁷. Ситуация на новостройках, по мнению руководства ВЦСПС, требовала особого внимания. Именно поэтому на новостройки, в том числе и в Магнитогорск, направляли «40 антирелигиозников для развертывания массовой антирелигиозной пропаганды...»²⁸. Отношение к религии часто разделяло в семье родителей и де-

²¹ Воспоминания Л.Г. Чернопятовой, 1937 г. р., записано Н.Н. Макаровой в 2008 г.; ГАРФ. 7952. Оп. 5. Д. 309. Лл. 37–39.

²² Воспоминания О.В. Бистровой, 1927 г. р., записано Н.Н. Макаровой в 2008 г.

²³ *Kultura i byit*. 1932. № 8. S. 11.

²⁴ Муниципальный архив Магнитогорский «Городской архив» (далее МУ МГА). Ф.12. Оп.1а. Д.9. Л. 107.

²⁵ МУ МГА. Ф.12. Оп.1а. Д.9. Л.106.

²⁶ Перель 1932, 35.

²⁷ Перель 1932, 35.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 16. Д. 832. Л.3.

тей. Последние под воздействием школы отказывались от религиозного мировоззрения, что в свою очередь порождало конфликты с родителями. Судя по официальной статистике, на Урале в 1917–1921 гг. 90 % всех браков в рабочей среде были церковными, в 1934–1935 гг. это число сократилось до 2,4%²⁹.

Антирелигиозная работа была одним из основных и постоянных направлений деятельности комсомольских и партийных организаций. Последние очень часто действовали, не считаясь с чувствами верующих, что в свою очередь вызывало недовольство, а в некоторых случаях протест. Так, в Магнитогорске были случаи физической расправы с антирелигиозниками, которые приходили в барак для пропаганды атеистического мировоззрения³⁰.

В годы Великой Отечественной войны произошло смягчение прежней антирелигиозной политики. Спустя несколько месяцев после начала войны были разрешены общецерковные сборы средств; сняты ограничения на некультовую деятельность, проведение массовых богослужений и церемоний; стали открываться молитвенные здания; расширился выпуск церковной литературы. В сентябре 1941 г. были закрыты все антирелигиозные периодические издания, распущен «Союз воинствующих безбожников», в апреле 1942 г. дано разрешение на проведение пасхальных крестных ходов вокруг храмов³¹. В послевоенные годы эта тенденция частично сохранялась. В 1946 г. по инициативе директора ММК Г.И. Носова в Магнитогорске начали строительство Храма Михаила Архангела и церковь Николая Чудотворца. Последнюю устроили в здании бывшего магазина, а процесс реконструкции шел в течение двух лет (1945–1947 гг.). В этот же период в Магнитогорске начал функционировать молельный дом мусульман. В послевоенные годы акцент в жизни верующих смещается с необходимости выживания в экстремальных условиях преследований в сторону налаживания повседневной жизни в относительно спокойных условиях.

Религиозные практики в Магнитогорске в 1940–1950-е гг. приобрели более формализованный характер. Представители всех конфессий в городе организовали молельные дома, собирались там более или менее открыто. Однако в 1954 г. в поселке Старомагнитном был обнаружен святой ключ. Внимание к этому явлению было существенным как со стороны верующих, так и со стороны властей. Отец Иоанн, освятивший источник, был лишен сана³². Сам источник объявлен обыкновенным ключом и засыпан. В 1959 г. произошло еще событие, не соответствующее пониманию властями религиозной деятельности. Верующий Н. Трегубов начал распространять «святые» письма с призывами посещать церковь, не ходить в кино. Он был арестован³³. Наконец, в 1959 г. в Михайло-Архангельской церкви во время крещения утонул ребенок³⁴. Это происшествие стало ключевой причиной закрытия церкви. Кроме того, в непосредственной близости от религиозного учреждения располагалась общеобразовательная школа. В здании церкви устроили планетарий, а потом склад.

²⁹ Постников, Фельдман 2009, 257.

³⁰ Воспоминания А.И. Чесноковой. Записано Н.Н. Макаровой в 2008 г.

³¹ Кринко 2015, 100.

³² Никифоров, 2002, 170.

³³ Никифоров, 2002, 170.

³⁴ Никифоров, 2002, 170.

В 1947–1959 гг. повседневная культура религиозных групп определялась, как правило, их богословием. Изменения в богословии часто выступали одними из предвестников дальнейших изменений в образе жизни верующих. Право на толкование Библии имели преимущественно лидеры религиозных движений. Духовные авторитеты зачастую базировали свое понимание социальных, политических и культурных процессов на основе священных текстов. Во избежание гонений верующие стремились до определенной степени сблизиться с представителями советской власти. Взяв на вооружение некоторые положения коммунизма и подведя под основание богословские идеи общинной природы христианства, протестанты Магнитогорска шли на уступки властям (например, посещение учебных заведений по субботам, трудовая деятельность в субботний день). День у представителей протестантских движений, как правило, начинался с молитвы и с чтения Библии. Если вся семья была верующей, то обычно молились все вместе. У адвентистов седьмого дня читали утренний страж (короткие религиозно-назидательные рассказы на каждый день). Обязательными считались молитвы перед едой. Так, респондент Е.А. Фирсова отмечала, что ее «бабушка соблюдала все религиозные нормы, каждый день ходила в молитвенный дом. Она часто бросала домашние дела, семью, детей и бежала в свою церковь»³⁵.

Период 1959–1985 гг. характеризовался усилением борьбы с религиозными группами внецерковного типа и одновременным укреплением таковых групп в своих намерениях. Согласно протоколам заседаний комиссии по соблюдению религиозных культов в Магнитогорске на 1 апреля 1969 г. действовали общины «Святой церкви», адвентистов, пятидесятников, баптистов. Половозрастной состав членов этих религиозных групп был пестрым. Однако основную долю составляли женщины (79%) старшего возраста (старше 60 лет – 52%; 40-50 лет – 15,8%; 18-20 лет – 2,3 %; несовершеннолетние – 4,6%). От общего количества верующих лишь 30% были работающими, 4% учащиеся³⁶. Подавляющее большинство верующих имели низшее образование и лишь 3-4% представителей религиозных групп протестантского толка обладали средним и высшим образованием. Подобные социальные характеристики были свойственны верующим города всех конфессий на протяжении 1960–1970-х гг.

В противовес этим социальным характеристикам можно привести данные по половозрастному составу сотрудников атеистических групп. Во-первых, все были работающими, 46% среди которых составляли мужчины с высшим образованием (50%) или средним образованием (47%)³⁷. Ключевой задачей атеистических групп в городе было осуществление пропагандистской антирелигиозной деятельности и контроль за соблюдением законодательства о религиозных культах. Кроме разъяснения политики КПСС и советского государства в отношении религии и церкви, участники атеистических групп взяли на контроль квартиры религиозных активистов, где регулярно проводились собрания; проводили публичные лекции просветительского характера для участковых города; ЗАГСы города стали чаще проводить процедуры торжественной регистрации новорожденных под девизом «Внуки Ильича»; при поликлиниках города врачи читали лекции моло-

³⁵ Воспоминания Е.А. Фирсовой 1957. Записано Н.Н. Макаровой в 2014 г.

³⁶ МУ МГА. Ф. 459. Оп. 1. Д. 77. Л. 61.

³⁷ МУ МГА. Ф. 459. Оп. 1. Д. 77. Л. 67.

дым матерям «О вреде крещения» и т.п.³⁸. Предприятия города организовывали комсомольские свадьбы, торжественные проводы в армию. Районная организация общества «Знание» вела свою работу более активно. Только в Ленинском районе за 1973 г. было прочитано 188 лекций атеистического содержания. Несмотря на столь разнообразные формы работы, число совершавшихся религиозных обрядов в городе было стабильным. Так, в августе–сентябре 1973 г. в Ленинском районе Магнитогорска было совершено 36 крещений детей³⁹. Интересна практика верующих, направленная на сокрытие актов крещения или венчания. Некоторые магнитогорцы уезжали в другие города и там совершали религиозные обряды. Так, в ноябре 1973 г. в горисполком Магнитогорска поступило сообщение о том, что «в августе сего года в молитвенном доме г. Тольятти Куйбышевской области граждане Лукьяновы Владимир Васильевич и Вера Ивановна, проживающие пр. Ленина 45–35, окрестили сыновей Валерия и Дмитрия»⁴⁰. Подобное сообщение было не единственным. Согласно официальной статистике в Магнитогорске за 1972 г. было окрещено 783 человека; обвенчано 3 пары; отпето 536 умерших, в т.ч. 84 очно и 452 заочно⁴¹. Для сравнения, в Челябинске эти показатели выглядели следующим образом: 1903 человека окрещено; 34 пары обвенчаны; 4080 – отпеваний⁴².

Усиление внимания к вопросам религиозных практик в локальном пространстве города в основном сопряжено с изучением микроистории и структур повседневности. В Магнитогорске горожане продолжали совершать культовые действия не столько вопреки запретам со стороны властей, сколько по привычке, не придавая особого религиозного характера своим действиям, опираясь, прежде всего, на многовековые традиции. Наличие на территории города пестрого этноконфессионального состава консервировало религиозные традиции. В целом антирелигиозная политика в 1930–1980-е гг. сыграла решающую роль в уничтожении религиозного сознания населения, духовенства и духовных организаций. Существование религии в обществе поддерживалось лишь на уровне некоторых обрядов. Новый образ жизни, привычки населения, сменный график работы, строгий контроль привели к тому, что религия стала уделом стариков, а молодежи и людям среднего возраста верить было просто неприлично. Со второй половины 1930-х гг. в архивных материалах практически отсутствуют сведения о работе «Союза воинствующих безбожников» в Магнитогорске, о сохранении религии в городе, об организации подпольных молебнов и проч. Думается, что подобная ситуация не была случайной. Религиозность населения и города определялись по чисто внешним признакам: наличие церквей и часовен, совершение религиозных обрядов, внешней атрибутики. Подобный подход обеспечивал сравнительно спокойное существование верующим в городе, которые сохраняли внутреннюю религиозность или исповедовали внецерковные исповедания. Отсутствие церквей в городе – «флагмане социалистической индустриализации» и образце нового «социалистического общежития» – оставляло Магнитогорск вне поля зрения

³⁸ МУ МГА. Ф. 459. Оп. 1. Д. 77. Л. 1

³⁹ МУ МГА. Ф. 459. Оп. 1. Д. 77. Л. 6.

⁴⁰ МУ МГА. Ф. 459. Оп. 1. Д. 77. Л. 7.

⁴¹ МУ МГА. Ф. 459. Оп. 1. Д. 77. Л. 20.

⁴² МУ МГА. Ф. 459. Оп. 1. Д. 77. Л. 20.

партийных и советских органов, ответственных за антирелигиозную пропаганду, и потому, в некотором смысле, делало сохранявшиеся в нем религиозные практики неуязвимыми. Однако разнообразные источники свидетельствуют и об иной тенденции: многие горожане, даже молодежь и дети, нелегко отказывались от веры. Процесс секуляризации быта охватил значительную часть населения страны и Магнитогорска, но следует отметить, что значительная часть магнитогорцев продолжала активно участвовать в религиозной жизни. Исполнение религиозных обрядов по-прежнему считалось одной из обязательных черт жизни. Трансляция религиозных ценностей и взглядов в семье не прекратилась, несмотря на антирелигиозную позицию государства.

Хронология этапов эволюции религиозных практик в Магнитогорске в целом совпадает с основными изменениями в государственной религиозной политике, что позволяет предположить влияние политических и социальных предпосылок на религиозное мировоззрение, формирование культовых практик и обыденного уклада жизни верующих в Магнитогорске. Социальные потрясения и пропаганда заставляла в некоторой степени изменять убеждения, приспособляя их к действительности, но базовые постулаты религиозных учений и нормы морали сохранялись на протяжении всего периода существования Советского Союза. Это дает возможность предположить, что религиозные воззрения и опыт являлись преобладающими факторами, которые создавали основные черты повседневной жизни последователя веры.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев, А.И. 1996: Иосифлянство и нестяжательство в свете поминальной практики XV в. *Первые Дмитриевские Чтения* 1, 78–91.
- Арьес, Ф. 1992: *Человек перед лицом смерти*. М.
- Блок, М. 1986: *Апология истории или ремесло историка*. М.
- Гинзбург, К. 1996: Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю. *Современные методы преподавания новейшей истории*, 207–236.
- Гуревич, А.Я. 2003: «Время вывихнулось»: поругание умершего правителя. В кн.: *Одиссей. Человек в истории*. М., 221–240.
- Гуревич, А.Я. 2005: История в человеческом измерении (Размышления медиевиста). *Новое литературное обозрение* 75, 39–40.
- Девис, Н.З. 1999: *Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века*. М.
- Дэвис, Н.З. 2006: Обряды насилия. В кн.: М. Кромм (ред.), *История и антропология. Междисциплинарные исследования на рубеже XX–XXI веков*. М., 111–162.
- Кондратковская, Н.Г. 2012: «Ах, если бы еще одну мне жизнь». Белорецк.
- Кринко, Е.Ф. 2015: Религиозная жизнь в тылу и на фронте в годы Великой Отечественной войны. *Вестник Оренбургского Государственного педагогического университета* 1(13), 98–112.
- Ле Гофф, Ж. 2000: *Другое Средневековье*. Екатеринбург.
- Леви, Дж. 1996: К вопросу о микроистории. В кн.: А.О. Чубарьян (ред.), *Современные методы преподавания новейшей истории*. М., 167–190.
- Макарова, Н.Н. 2012: «Город без церквей»: религиозность в Магнитогорске в 1930-е гг. *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом* 3-4, 158–180.
- Милютин, Н. 1930: Борьба за новый быт и советский урбанизм. В кн.: *Города социализма и социалистическая реконструкция быта*. М.

- Миннулин, И.Р. 2006: Мусульманское духовенство и власть в Татарстане (1920–1930-е гг.). Казань.
- Никифоров, Н.А. (ред.) 2002: *Магнитогорск. Краткая энциклопедия*. Магнитогорск.
- Перель, И.А. (ред.) 1932: *Культфронт Урала на подъеме*. Свердловск.
- Постников, С.П., Фельдман, М.А. 2009: *Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900 – 1941 гг.* М.
- Скотт, Дж. 1991: *За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали*. Свердловск – М.
- Смилянская, Е.Б. 2003: *Вошебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в.* М.
- Смилянская, Е.Б. 2006: О концепте «суеверие» в России века Просвещения. *Сны Богородицы: Исследования по антропологии религии*, 19–31.
- Старикова, Г.И. 2012: Время войне и время миру. *Наследие* 7, 54–57.
- Barnard, A. 2004: *History and Theory in Anthropology*. Cambridge.
- Barth, F., Gingrich, A., Parkin, R., Silverman, S. 2005: *One Discipline, Four Ways: British, German, French, and American Anthropology*. Chicago.

REFERENCES

- Alekseev, A.I. 1996: Iosiflyanstvo i nestyazhatel'stvo v svete pominal'noy praktiki XV v. [Iosifiane and Covetousness in the Light of the Funeral Practices of the 15th]. *Pervye Dmitrievskie Chtenija [The First Demetrius Read]* 1, 78–91.
- Ar'ес, F. 1992: *Chelovek pered licom smerti [In the Face of Death]*. Moscow.
- Barnard, A. 2004: *History and Theory in Anthropology*. Cambridge.
- Barth, F., Gingrich, A., Parkin R., Silverman S. 2005: *One Discipline, Four Ways: British, German, French, and American Anthropology*. Chicago.
- Blok, M. 1986: *Apologiya istorii ili remeslo istorika [Apology of History or the Craft of the Historian]*. Moscow.
- Ginzburg, K. 1996: Mikroistoriya: dve-tri veshhi, kotorye ya o ney znayu [Microhistory: Two or Three Things I Know about Her]. *Sovremennyye metody prepodavaniya noveyshey istorii [Modern Methods of Teaching Modern History]*, 207–236.
- Gurevich, A.Ja. 2003: «Vremya vyvihnulos'»: poruganie umershego pravatelya [«Time Viminalis» the Reproach of the Deceased Ruler]. *Odissey. Chelovek v istorii [Odysseus. Man in history]*. М., 221–240.
- Gurevich, A.Ja. 2005: Istoriya v chelovecheskom izmerenii (Razmyshleniya medie-vista) [The Story in Human Terms (Reflections of a Medievalist)]. *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]* 75, 39–40.
- Devis, N.Z. 1999: *Damy na obochine. Tri zhenskikh portreta XVII veka [Ladies on the Sidelines. Three Female Portrait of the XVII Century]*. Moscow.
- Djevis, N.Z. 2006: Obryady nasiliya [The Rites of Violence]. In: M. Kromm (red.), *Istoriya i antropologiya. Mezhdisciplinarnyye issledovaniya na rubezhe XX–XXI vekov [History and Anthropology. Interdisciplinary Research at the Turn of 20th – 21st Centuries]*. М., 111–162.
- Kondratkovskaya, N.G. 2012: «Ah, esli by eshhe odnu mne zhizn'» [Ah, if Another Life to Me]. Beloreck.
- Krinko, E.F. 2015: Religioznaya zhizn' v tylu i na fronte v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Religious Life in the Rear and at the Front During the Great Patriotic War]. *Vestnik Orenburgskogo Gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Vestnik of Orenburg State Pedagogical University]* 1(13), 98–112.
- Le Goff, Zh. 2000: *Drugoe Srednevekov'e [Another Middle Ages]*. Ekaterinburg.

- Levi, Dzh. 1996: K voprosu o mikroistorii [To the Question of Microhistory]. In: A.O. Chubar'yan (red.), *Sovremennye metody prepodavaniya noveyshey istorii* [Modern Methods of Teaching Modern History]. M., 167–190.
- Makarova, N.N. 2012: «Gorod bez cerkvey»: religioznost' v Magnitogorske v 1930-e gg. [«A City Without a Church»: Religion in Magnitogorsk in the 1930s]. *Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide] 3-4, 158–180.
- Milyutin, N. 1930: Bor'ba za novyy byt i sovetskiy urbanizm [The Struggle for a New Way of Life and Soviet Urbanism]. In: *Goroda socializma i socialisticheskaya rekonstrukcija byta* [City of Socialism and Socialist Reconstruction of Life]. Moscow.
- Minnulin, I.R. 2006: *Musul'manskoe duhovenstvo i vlast' v Tatarstane (1920–1930-e gg.)* [The Muslim Clergy and the Government in Tatarstan (1920–1930s)]. Kazan'.
- Nikiforov, N.A. (red.) 2002: *Magnitogorsk. Kratkaya enciklopediya* [Magnitogorsk. Concise Encyclopedia]. Magnitogorsk.
- Perel', I.A. (red.) 1932: *Kul'tfront Urala na podeme* [Kultfront of the Urals on the Rise]. Sverdlovsk.
- Postnikov, S.P., Fel'dman, M.A. 2009: *Sociokul'turnyy oblik promyshlennykh rabochih Rossii v 1900–1941 gg.* [Socio-cultural Image of Industrial Workers in Russia 1900–1941] Moscow.
- Skott, Dzh. 1991: *Za Uralom. Amerikanskiy rabochiy v russkom gorode stali* [Beyond The Urals. The American worker in the Russian City of Steel]. Sverdlovsk–Moscow.
- Smilyanskaya, E.B. 2003: *Volshebnyki. Bogohul'niki. Eretiki. Narodnaja religioznost' i «duhovnye prestupleniya» v Rossii XVIII v.* [Wizards. Blasphemers. Heretics. Popular Religiosity and «Spiritual Crimes» in Russia of the XVIII Century]. Moscow.
- Smilyanskaya, E.B. 2006: O koncepte «sueverie» v Rossii veka Prosveshheniya [About the concept of «superstition» in Russia the age of Enlightenment]. *Sny Bogorodicy: Issledovaniya po antropologii religii* [Dreams of Mother of God: Studies on Anthropology of Religion], 19–31.
- Starikova, G.I. 2012: *Vremya vojny i vremya miru* [A Time for War and a Time for Peace]. *Nasledie* [Heritage]. 7, 54–57.

RELIGIOUS LIFE IN MAGNITOGORSK IN 1930–1980

Nadezhda N. Makarova

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
makarovanadia@mail.ru

Abstract. The article deals with the religious life in Magnitogorsk founded as a «new city», free from the vices of capitalist society, including religion. The attitude to believers had changed in the city during 1930–1980s. The first stage (1930–1940s) is characterized as the most difficult time for the believers of all faiths, because of their key task was to survive in a hostile atheistic environment and difficult social conditions. The second stage (1947–1959) was rather «quiet» time for the development and strengthening of religious customs in the families. The third stage (1959–1985) was the existence in the context of pressure from the atheistic propaganda and public censure. The periodization in general coincides with major changes in the state religious policy, which suggests the impact of political and social prerequisites on a religious worldview, the formation of religious practices and everyday way of life of the believers. Social upheaval and propaganda forced to change beliefs and to adapt them to the reality. The author concludes that despite the anti-religious actions from the authorities, and the declaration of the idea

“Magnitogorsk is the city without churches”, the population continued to practice religion, and the range of faiths in the city was wide enough. Purely external signs determined the religiosity of the population and the city: the presence of churches and chapels, religious rituals, external paraphernalia. This approach ensured a relatively peaceful existence of the believers in the city who had inner religiousness or professed nondenominational confession.

Key words: historical anthropology, daily life history, religion, Magnitogorsk
